

HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Pushkin and the Classics
Author(s)	Kimura, Shoichi
Citation	北海道大學文學部紀要, 4, 161-131
Issue Date	1955
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/33228
Type	departmental bulletin paper
File Information	4_PL161-131.pdf

プ
ー
レ
キ
ン
と
古
典
(露
文)

木
村
彰
一

ПУШКИН И АНТИЧНАЯ ПОЭЗИЯ

С.КИМУРА

1.

Античная поэзия играла немаловажную роль в образовании деятельности Пушкина не только как поэта, но и как литературного критика. Почти на всем протяжении его недолголетней литературной деятельности мы можем время от времени наблюдать, в его художественных произведениях, критических статьях и письмах, упоминание имен греческих и римских поэтов и писателей, цитаты из них, отзывы о них, мотивы, заимствованные у них, — словом, не что иное, как литературное "влияние" античной поэзии.

Из всех древне-классических поэтов, произведения которых имели на нашего поэта "влияние" в вышеказанном широком смысле этого слова, самое видное место занимает, безо всякого сомнения, Овидий, у которого, как известно, было замечательное сходство с Пушкиным и в жизненных судьбах.

Интерес к Овидию наблюдается у Пушкина с самого раннего периода его поэтического творчества. Уже в одном из "лицейских стихотворений", написанном им в 1814 г. ("К Батюшкову"), мы читаем:

Играй : тебя младой Назон,
Эрот и Грации венчали,
А лиру строил Аполлон(1).

Затем, в 1816 г., в стихотворении (очень слабом, между прочим) "Сон", которое, по словам одного комментатора(2), "строго держится формы тех шуточных, дидактических поэм, высший образец которых видели в Искусстве любви Овидия", Пушкин снова ссылается на имя римского поэта:

Пускай любовь Овидии поют
.....
Я сон пою, бесценный дар Морфея(3).

Правда, одно только упоминание имени Овидия ничего не говорит о том, читал ли Пушкин-лицеист действительно "Искусство любви" или "Героиды" Овидия. Молодой Пушкин, в своем стихотворении, посвященном "певцу любви" и "Вакха"(4), очень легко мог бы сослаться на имя Назона просто в качестве стилистического приема вроде Эрота, Граций и Аполлона. Но, если мы можем верить словам А.Малеина(5), то одним из ближайших источников стихотворения "Торжество Вакха"(6) было "Искусство любви" Овидия, "читанное, конечно, в переводе". Как бы то ни было, вышецити-

сам "слез не проливал", но он прекрасно "понимал их"(19). Привыкший "к снегам угрюмой полуночи"(20), Пушкин нашел в Бессарабии не такие суровые картины зимы, какие когда-то описывал Овидий, а такую теплую, светлую, полную солнца зиму; какую северяне представить себе не могут. Тем не менее, при виде "нового льда", "кристаллом покрывавшего недвижные струи", Пушкин вспомнил "опыты несмелые" Овидия, когда он "в первый раз вверял с недоумением шаги свои волнам, окованным зимой"(21). Всякое высокомерие, чопорность, мелочность, ханжество совершенно чуждо, как мы знаем, нашему поэту. Пушкин не был бы Пушкиным, если б он задумал гордиться своим мужеством за счет жалобных, но несомненно искренних молений ссыльного поэта. Наоборот, изложив вкратце Овидиевы мольбы своим языком, Пушкин обращается к тени поэта с такими словами:

Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиления
Сии элегии - последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?(22)

Стихотворение "К Овидию", цитированное нами уже несколько раз выше, является несомненно самым замечательным произведением из тех шести стихотворений, в которых упоминается имя Овидия. Мало того, молодой Пушкин считал это стихотворение чуть ли не лучшим из своих произведений, дотоле им написанных, и очень заботился о его напечатании.

Стихотворение было окончено 26-го декабря 1821 г., но Лернер полагает, что Пушкин начал его немного раньше, т.-е. во время его поездки по Бессарабии, когда, должно быть, образ Овидия с особенной живостью воскрес в его воображении(23). 21-го июня следующего года, посылая свои стихи А.А.Бестужеву для "Полярной звезды", Пушкин пишет: "Посылаю вам мои Бессарабские бредни и желаю чтоб они вам пригодились; Кланяйтесь от меня Цензуре, старинной моей приятельнице; кажется голубушка еще поумнела... предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию — но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа... не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно"(24).

Подобная забота о напечатании своих стихов видна и в письме к брату от 18 октября того же года: "О други, Августу мольбы мои несите! Но Август смотрит сентябрём... К стати: получено-ли мое послание К Овидию? Будет-ли напечатано?"(25). Когда же стихотворение наконец появилось, в январе 1823 г., в "Полярной звезде", Пушкин писал брату (23 января 1823 г.): "Каковы стихи К Овидию? Душа моя, и Руслан, и Пленник, и No81, и все --- дрянь в сравнении с ними"(курсив наш)(26). В черновом письме к кн. П.А.Вяземскому от 14 марта 1823 г. мы снова читаем такой же хвалебный отзыв о стихотворении "К Овидию": "... как слог --- я ничего лучше(т.-е. "Братьев-разбойников", С.К.) не написал --- (кроме посл. К Ов.)"(27)(Курсив наш).

По словам Анненкова, Пушкин был больше доволен этими стихами, чем "Наполеоном" (28).

Казалось бы, такое высокое мнение Пушкина о послании "К Овидию" является немного преувеличенным, что понятно при большом увлечении Пушкина Овидием в годы ссылки. Тем не менее, нам кажется, что Пушкин был почти прав, придавая такое большое значение этому стихотворению. Оно не только свидетельствует о том, с какой любовью, с каким пониманием он занимался чтением Овидиевых книг: по глубине гуманного проникновения в чужое страдающее сердце, по верности и яркости описываемых в нем бытовых и природных картин, по благородности и искренности выраженного в нем чувства "гордой совести", оно, на наш взгляд, является безусловно одним из замечательнейших среди ранних произведений нашего поэта.

Кроме цитированных нами выше юношеских стихотворений, мы имеем еще ряд свидетельств, показывающих любовь и интерес Пушкина к Овидию. Всем читателям "Евгения Онегина" известно, что Пушкин в 1-й главы этого романа, начатой также на юге, посвящает несколько стихов "тени" Овидия, как певца нежной любви и горестного изгнания :

Но в чем он(Онегин) истинный был гений,

.....

Была наука страсти нежной,

Которую воспел Назон,

За что страдальцем кончил он

Свой век блестящий и мятежный

В Молдавии, в глуши степей,

Вдали Италии своей(29).

К этому месту Пушкин сделал примечание, которого нам приходилось касаться слегка выше. Оно указывает, до каких мелких подробностей он интересовался самой жизнью Овидия.

Затем, в 1824 г., Пушкин влагает в уста цыгана-старика, отца Земфиры в поэме "Цыганы", весьма трогательное предание о своем любимом певце(30):

Царем когда-то сослан был

Полудня житель к нам в изгнание

.....

Он был уже летами стар,

Но млад и жив душой незлобной:

Имел он песен дивный дар

И голос, шуму вод подобной.

И полюбили все его,

И жил он на берегах Дуная,

Не обижая никого,

Людей рассказами пленяя(31).

2.

До сих пор мы видели, что Овидий был несомненно одним из любимейших поэтов Пушкина. Не только случайное сходство судьбы Овидия с его собственной интересовало Пушкина; самая сущность Овидия как поэта, его великий стихотворческий талант, его глубокое знание человеческой, особенно женской психологии, далее, его правда слабый, но все же искренний, привлекательный характер --- все это нашло верные отголоски в душе русского поэта. Овидия Пушкин считал гением, читал с нежной симпатией его сочинения и в переводах и в подлинниках, любил цитировать его.

Но круг знания латинской литературы Пушкина, конечно, не ограничился одним только Овидием. Будучи с юных лет довольно хорошим латинистом(1), он читал кое-кого из латинских поэтов и писателей кроме Овидия. Не задаваясь здесь целью перечислить всех их, отметим только имена тех, чтение которых отражалось тем или иным образом в сочинениях Пушкина: Виргилия, Горация, Тибулла, Катулл, Ювенал из поэтов, а из прозаиков Тацита и довольно неизвестного историка IV века, Аврелия Виктора.

Виргилия Пушкин читал еще в детстве, а в "Городке"(1814 г.) он пишет :

Люблю с моим Мароном,
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный
.....
С подругою своею
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн (2).

Здесь под "моим Мароном" конечно подразумевается Виргилий как автор "Буколик" и "Георгик": молодой Пушкин, очевидно, любил читать эти книги в идиллической обстановке.

Но к Виргилию-эпику он отнесся несколько иначе. Правда, из "Городка" мы знаем, что в лицейские годы "Энеида" стояла у него на книжной полке рядом с "Илиадой" и "Освобожденным Иерусалимом", недалеко от его любимца, "поэта в поэтах первого" --- Вольтера(3). Но уже в отрывке поэмы "Бова"(1815 г.) он пишет иронически об авторе "Энеиды", что он "читал и перечитывал" "несравненного Виргилия", не стараясь, однако, "подражать ему в нежных чувствах и гармонии"(4). В стихотворении "Батюшкову"(1815 г.) Пушкин заявляет, что он не хочет, в подражание Виргилию, петь "при звуках лир войны кровавый мир"(5). О том, что Пушкин вообще не чувствовал в себе охоты писать героические поэмы в духе Гомера и Виргилия, будет

упомянуто после, в связи с его отношением к Гомеру, но здесь нужно отметить, что Пушкин, из двух великих эпиков древнего мира, гораздо более уважал Гомера чем Virgiliya, считая последнего "подражателем"(6), и называя его иронически "чахоточным отцом немного тощей Энеиды"(в стихотворении "А.Л.Давыдову" 1824 г.)(7).

В этом стихотворении Пушкин ссылается также на имя Горация. Когда Virgiliya

Пускался в море наконец,
Ему Гораций, умный льстец,
Прислал торжественную оду,
Где дру гу Августов певец
Сулил хорошую погоду.
Но льстивых од я не пишу и.т.д.

Это место навечно Пушкину одной из Горациевых од(книга1, ода3). Горация Пушкин очень любил, читая его в русском и французских переводах, а также в оригинале(8). Насколько глубоко он понимал сущность Горациевых од, видно из его бдестящего перевода оды "К Помпею Вару"(книга1, ода7) : "Кто из богов мне возвратил"(9).

Как известно, эта ода посвящена Горацием своему другу, Помпею Вару, с которым он, в войсках Брута, участвовал в битве при Филиппах, окончившейся поражением Брута и победой Августа. После этой битвы Помпей Вар еще продолжал участвовать в борьбе против Августа, но впоследствии был амнистирован. Вот почему в оде, описывающей свою радость при встрече со своим другом, Гораций старался переувеличивать свою трусость: этим он хотел смягчить впечатление, которое этот опасный сюжет может произвести на Августа.

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно броса щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! Как бежал!(10)

Пушкин, находясь под гнетом Николаевского режима, хорошо понимал "хитрость" римского поэта, которому также суждено было жить и творить под коварным императором. В набросках повести из древнеримской жизни, условно обозначаемых "Цезарь путешествовал"(11), Пушкин цитирует эту оду и влагает в уста Петрония следующие слова : "Хитрый стихотворец хотел рассмешить Августа и Мецената своею трусостью, чтоб не напомнить им о сподвижнике Кассия и Брута"(12).

Сопоставляя перевод Пушкина с подлинником, мы находим, что это не является дословным, точным до деталей переводом: размер различен (13), в третьей строфе введен образ мальчика, прислужника пира, которого нет в подлиннике; и в трактовке деталей, Пушкин довольно свободно относится к Горациевым

оборотам речи. Но при всем том, нельзя не признать, что это блестящий подвиг Пушкина-переводчика, ибо прелесть и сила, "дух" Горациевых стихов переданы здесь как нельзя лучше. Белинский пишет восхищенным тоном об этом стихотворении: "никто ни из старых, ни из новых русских переводчиков и подражателей Горация не говорил таким горацианским языком и складом и так верно не передавал индивидуального характера горацианской поэзии, как Пушкин в этом пьесе, к тому же и написанной прекрасными стихами. Можно ли не слышать в них живого Горация? ... В этом стихотворении видна художническая способность Пушкина свободно переноситься во все сферы жизни, во все века и страны, виден тот Пушкин, который, при конце своего поприща, несколькими терцинами в духе Дантовой "Божественной комедии" познакомил русских с Дантом больше, чем могли бы это сделать всевозможные переводчики..." (14).

Кроме оды "К Помпею Вару", Пушкин начал переводить (предположительно в 1835 г.) еще оду Горация: "К Мecenату" (книга I, ода I), но перевод остался в черновике в 12 строках (15). Эпиграфы взял Пушкин из Горация дважды: ко второй главе "Евения Онегина" (16) --- "O rus!" из "Сатир" Горация (17) (кн. II, сат. VI, ст. 60), и к стихотворению "Я памятник себе воздвиг" (18) --- "Exegi monumentum" из "Од" (книга III, ода XIII). Известно, что Пушкинский "Памятник" получил свое основной тон из этой знаменитой оды Горация.

Из римских лириков нам остается упоминать еще о двух: о Тибулле и о Катулле. Насчет Тибулла, достаточно отметить, что в стихотворениях, написанных Пушкиным в 10-е и 20-е годы, он упоминается исключительно как поэт нежной любви в роде Парни. Так, в стихотворении "Батюшкову" (1815 г.), отказываясь, как мы видели, следовать за Виргилием, Пушкин пишет, что он "Тибуллом окрещен" "поэтом ... вырос" (19). В стихотворении "любовь одна - веселье жизни хладной" (1816 г.), Пушкин обращается к "певцам любви": "наследники Тибулла и Парни" (20). В стихотворении, посвященном кн. Хованской (1824 г.), "богом Парни, Тибулла, Мура" называется Амур (21). Наконец, в стихотворении "Шишкову", мы читаем о "поместье мирном меж Пиндом и Цитерой, где нежился Тибулл, Мелецкий и Парни" (22). Вообще характерно, что в четырех стихотворениях, цитированных нами, имя Тибулла фигурирует трижды рядом с именем Парни.

Пушкин, как Байрон и Гейне, высоко ценил Катулла, и читал его в латинском подлиннике (23). В 1836 г. он пишет: "Искренность драгоценна в поэте", и в качестве примеров ссылается на имена Катулла, Грессе и Вольтера (24). В 1832 г., Пушкин перевел XXVII -ую песню Катулла, взяв три начальных слова первой строки в качестве эпиграфа: Minister uetuli puer. Про этот перевод, озаглавленный "Мальчику" (25), Белинский замечает, что он не отличается "особенным поэтическим достоинством" (26); может быть, сам сюжет ее --- прославление знаменитого фалернского ви-

на --- казался ему слишком незатейливым; во всяком случае, тут виноват не перевод, который не только довольно близок к подлиннику(27), но и передает его прелесть как нельзя лучше.

Немудрено, что Пушкин, одаренный замечательным талантом сатирика, питал немалую симпатию к Ювеналу, величайшему сатирику древнего Рима. Еще в Лицее он с восхищением читал сатиры Ювенала, и влияние последнего наблюдается в одном из замечательных стихотворений лицейской поры --- "Лицинию"(1815 г.), в котором, в 58-м стихе, упоминается сам Ювенал, рядом с Петронием(28). Всем известно, что Евгений Онегин любил "толковать о Ювенале"(29). Вообще Пушкин довольно часто называет его в своих произведениях. Под конец своей жизни, (в 1836 г. ?), Пушкин начал переводить X-ую сатиру Ювенала (*Om-nibus in terris*), по просьбе кн.Козловского, большого любителя римских классиков, но сохранился лишь далеко не отделанный вольный перевод стихов 1 - 4 и 188 - 195 (30).

Что касается до латинских прозаиков(31), следует отметить, что Пушкин в 1825 г., находясь в Михайловском, с серьезным вниманием читал "Летопись"(Annales) Тацита, и плодом этого чтения является его "Замечания на "Анналы" Тацита", касающиеся, впрочем, только 1-ой книги "Анналов". Как известно, у Пушкина наблюдается живой интерес к национальной и мировой истории на всем протяжении его жизни, и об этом интересе свидетельствуют как ряд образов в его художественных произведениях, сюжеты которых взяты из истории, --- образы Пугачева, Бориса Годунова, Петра Великого, Мазепы, Наполеона и др. ---, так и строго исторические исследования вроде "Истории Пугачевского бунта", или же многочисленные краткие заметки исторического и политического характера.

Интерес Пушкина к истории, по мнению Н.Фирсова, имел одно характерное направление: он всегда любил останавливаться на "эпохах борьбы и великих народных движений" и при том "на первом плане ставил в каком-либо отношении героическую личность, которая так или иначе направляла или даже создавала события, давала тот или другой смысл эпохе"(32). Итак, и при изучении Тацита, мысли его вращались около одной замечательной личности римской истории --- Тиберия. О нем же, главным образом, трактует Пушкин в "Замечаниях на анналы Тацита".

"Анналы" читал Пушкин во французском переводе Дюро де-Ламалль(Durreau de Lamalle), напечатанном рядом с латинским текстом(33). Что Пушкин не очень внимательно рассматривал латинский оригинал, видно из того, что он иногда не замечал неточности французского перевода. Например в "Анналах" о поступке Тиберия с Юлией, дочерью Августа, сказано, "inopia ac tabe longa peremit" " что переведено по французски: " la fit périr lentement de misere et de faim " (34). Пушкин, не замечая, что в оригинале не fames (голод), а tabes (истощение), пишет: "Юлия ... умирает ... не от нищеты и голода, как пишет Тацит --- голодом можно заморить в тюрьме"(35).

Тиберий привлекали внимание Пушкина, между прочим, как претендент на престол. Законный и незаконный претендент --- сюжет, всегда занимавший Пушкина. Это было сюжетом лицейского отрывка поэмы "Бова" (36), а также драмы "Бориса Годунова", над которой, как известно, Пушкин работал как раз в 1825 г. Изучая Тацита, он заметил, что кроме Тиберия, был еще другой претендент на престол --- Агриппа Постум, родной внук Августа. Пушкину казалось, что этот человек был более законным претендентом на престол, чем Тиберий, равно как и его опасным конкурентом, поскольку он "нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума". "Таковы люди", продолжает Пушкин, "всегда могут иметь большое число приверженцев --- или сделаться орудием хитрого мятежника" (37). Вот почему, по мнению Пушкина, Тиберий умертвил его вскоре после вступления на престол. Это интересное замечание, свидетельствующее не столько о точном знании римской истории (38), сколько о его глубоком понимании типа некоторых претендентов. Несомненно, он нашел странное сходство характера между Постумом Агриппой и Лжедмитрием.

Далее, касательно роли Тиберия в ходе укрепления власти императора, он пишет: "Первое действие Тибериевой власти есть уничтожение народных собраний на Марсовом поле --- следовательно, и довершение уничтожения республики. Народ ропщет. Сенат охотно соглашается (Тень правления перенесена в сенат)" (39).

Значит, Пушкин метко заметил, что падению римской республики содействовало исторически сложившееся равнодушие и в народе и в сенате. Вообще такой подход к истории, старание объективно и критически понять неизбежный ход истории --- характерные черты, которыми отличаются его исторические исследования и заметки.

И к самому Тиберию, этому "уничтожителю" республики, он относится более объективно, чем немного пристрастный Тацит, этот "бич тиранов" по словам Пушкина (40). Он отдает справедливость способности его, как монарха и правителя. В письме к А.А.Дельвигу от 23 июля 1825 г., он пишет: "Чем более читаю Тацита тем более мирюсь с Тиберием. Он был один из величайших Государственных умов древности ---" (41). В этом признании величия Тиберия он предшествовал переоценке последнего новейшими исследователями истории (42).

Частью из тех же "Анналов" Тацита, частью из "Сатирикона" Петрония (43) взяты материалы отрывков повести, называемых "Цезарь путешествовал" (1835 г.) (44). Петронием, этим придворным Нерона, аристократом, поэтом, эпикурейцем с утонченным вкусом, Пушкин интересовался, вероятно, по причине явного сходства его судьбы со своей собственной. И Пушкин задумал повесть из античного мира, в которой должен был выступать Петроний как герой и рассуждать о разных философских вопросах --- "о падении человека, о падении богов, об общем безверии,

о предрассудках Нерона"(45). К тому же Пушкин хотел вложить в уста Петрония и других действующих лиц переводы из античных поэтов(46), над которыми он с особым интересом работал в последние годы своей жизни. К сожалению, повесть осталась в одних только отрывках. Не хотел ли в ней наш поэт, влагая в уста Петрония отзывы о нравах и мирозерцаниях античного мира, в то же самое время повергнуть критике нравы и мирозерцания, господствовавшие при современном петербургском дворе и высшем свете? Во всяком случае, поэт задал себе подобную задачу в замечательной повести "Египетские ночи", к разбору которой мы теперь переходим.

3.

В 1824 г., как раз в то время, когда Пушкин читал "Анналы" Тацита, он натолкнулся на книгу, которая приписывалась тогда второстепенному римскому историку IV века, Аврелию Виктору: "О знаменитых людях города Рима" (*De illustribus uiris urbis Romae*) (1). "Книжонка" эта казалась Пушкину в общем "довольно ничтожной" (2), но в ней он нашел место, где, рассказывая легенду о египетской царице Клеопатре, "сухой и скучный Аврелий Виктор силою выражения равняется Тациту" (3): *Naec tantae libidinis fuit, ut saepe prostituerit; tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emeruerint ...* (4)

Эта легенда произвела на Пушкина такое сильное впечатление (5), что он скоро задумал поэму на тему страшного "торга" Клеопатры. Как известно, по причине, которую нам трудно определить, этой поэме суждено было остаться неоконченной, хотя автор несколько раз принимался было за ее переработку.

Пушкин начал поэму уже 2--8 октября 1824 г. (6) и написал около 70 строк, но не окончил ее. В 1827 г., он переработал поэму и двинул несколько дальше, но опять-таки бросил. Затем, в 1835 г., он задумал вставить свою поэму о Клеопатре в рамки прозаической повести из современной светской жизни, но и повесть и поэма остались в отрывках. Наконец, в том же 1835 году, он заменил повесть другой, начатой по более обширному плану, которая, однако, осталась также неоконченной. Итак, окончательная редакция под заглавием "Египетские ночи" состоит из отрывка в трех главах прозаической повести и отрывка поэмы о Клеопатре (7).

То, что повесть "Египетские ночи" осталась в отрывках, делает затруднительным определить с точностью, что было ее главной идеей, что интересовало Пушкина в сказании о "торге"

египетской царицы до такой степени, что он задумал избрать именно это сказание темой новой поэмы, проходя например мимо той знаменитой легенды о связи Клеопатры с Цезарем и Антонием, столь драматически рассказанной Плутархом и впоследствии художественно обработанной Шекспиром.

Но одно, по крайней мере, верно: Пушкин хотел в этом произведении, как указывает В. Брюсов в своей остроумной интерпретации "Египетских ночей", "сопоставить два мира, два мирозерцания --- древнее и современное" (8). Вполне понятно, что характерная разница между двумя мирозерцаниями --- так, как Пушкин ее понимал, --- бросается в глаза тем ярче, чем ближе они сопоставлены друг с другом в одном художественном целом.

По словам Брюсова, все действующие лица прозаической части повести, мужчины и женщины петербургского высшего света XIX столетия, отличаются, "душевным разладом, мелочностью, лицемерием" (9). Они абсолютно не имеют никакого понятия о высших, благороднейших стремлениях человека, что делает жизнь поэта, живущего в их обществе, похожей на жизнь страдальца. "Зло самое горькое", пишет Пушкин, "самое нестерпимое --- есть его (стихотворца) звание и прозвище, которым он заклеен и которое никогда от него не отпадает" (10). "Публика смотрит на него, как на свою собственность, считает себя в праве требовать от него отчета в малейшем шаге" (11). Своим непониманием, мещанством и пошлостью публика постоянно приводит поэта в отчаяние. Бедному поэту, чтобы остаться поэтом в светском обществе, остается только одно средство: пассивное сопротивление, мистификация. И Чарский, один из героев окончательной редакции повести, прибегает к этому же средству. Он употребляет "всевозможные старания, чтобы сгладить с себя несносное прозвище" (12). Он прикидывается "то страстным охотником до лошадей, то отчаянным игроком, то самым тонким гастрономом" (13) --- словом, типичным петербургским dandy (14). Но такие старания не могут не иметь своего дурного влияния на него: стараясь прикидываться dandy, он сам мало по малу впадает в пошлость, мелочность, характеризующую светских людей. "Трудно поверить", пишет Пушкин, "до каких мелочей мог доходить человек, одаренный впрочем талантом и душою" (15).

Влияние удушливой, раз'едающей атмосферы высшего света наблюдается и на итальянце-импровизаторе, и на "собратях" Чарского, петербургских литераторах. Итальянец, одаренный удивительным поэтическим талантом, принужден влачить жалкое существование как "бедный кочующий артист" (16); он выступает перед публикой в одежде "заезжего фигляра" (17). Мало того, он иногда обнаруживает "такую дикую жадность, такую простодушную любовь к прибыли" (18), что приводит Чарского в немалое разочарование.

Из петербургских литераторов, иные кажутся Чарскому "скучными по своей глупости, другие несносными по своему тону, третьи гадкими по своей подлости, четвертые опасными по

своему двойному ремеслу, --- вообще слишком самолюбивыми и занятыми исключительно собою да своими сочинениями"(19).

Сами представители высшего света производят на нас, конечно, впечатление не менее печальное. Иные едут слушать импровизатора, "чтоб показать, что понимают итальянский язык"(20). "Одна некрасивая девица", написавшая, "по приказанию своей матери", на бумажке тему "Cleopatra i suoi amanti" для импровизатора, ужасно смущается и не смеет отвечать, когда последний хочет узнать, о каких любовниках идет речь(21). Алексей Иванович, герой в первоначальных набросках повести, долго не решается рассказать о Клеопатре, говоря: "... я робею: я стал стыдлив, как цензура. Ну, так и быть"(22). Одна дама, прослушав поэму о Клеопатре, говорит: "Этот предмет должно бы доставить маркизе Жорж Занд, такой же бесстыднице, как ваша Клеопатра. Она ваш египетский анекдот переделала бы на нынешние нравы ---"(23). Наконец, Алексей Иванович садится подле Вольской и делает вид, будто рассматривает ее работу, и говорит ей вполголоса (курсив наш): "что вы думаете об условии Клеопатры?"(24)

Как непохожи на этих малодушных, лицемерных, пошлых мужчин и женщин петербургского высшего света все действующие лица поэмы, представители античного мира - египетская царица и ее три поклонника! Черты, свойственные всем им --- это "цельность и сила"(25), --- непосредственность страсти, совершенное отсутствие лицемерия и ложной стыдливости, простота, прямолинейность.

Клеопатра --- "гордая царица"; она знает, что "сердца несутся к ее престолу", что "покорны ей земные боги"(27), что "судьбою властвует она"(27). Она уверена в своей власти над всеми земными, и нисколько не утаивает этой уверенности перед своими поклонниками: "С видом ясным" бросает она на них "вызов наслаждения":

Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою? --- (28)

А "смущенному ропоту", произведенному ее страшным вызовом среди гостей, она внимает

С холодной дерзостью лица,
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих ... (29)

Что бы мы ни сказали о ее развратности и сладострастии, верно одно: ее жажда к наслаждению не испорчена сознанием греха. Вот почему ее образ получает такую цельность и силу.

На вызов царицы из толпы гостей выходят трое. Флавий --- суровый воин, "в дружинах римских поседель", привыкший смотреть смерти в глаза. Критон --- молодой грек, эпикуреец и "певец Харит, Киприды и Амура". Третий --- безымянный моло-

дой человек, "любезный сердцу и очам, как вешний цвет едва развитый" (30).

Причина, по которой они приняли "вызов наслаждения" Клеопатры, неодинакова у всех троих : Флавий выходит из гордости :

Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья ... (31)

Критон --- из верности своему убеждению, той мудрости эпикурейского учения, что наслаждение --- цель жизни; последний --- из-за истинной, пламенной любви к парице. Но все они отличаются силой, титанической страстью, смелым пренебрежением к жизни, и полным отсутствием внутреннего разлада : "смеда их поступь ; ясны очи" (32).

Теперь перейдем к вопросу: что так сильно привлекало внимание Пушкина в сказании о "торге" Клеопатры. Как уже сказано, нам трудно разрешить с определенностью этот вопрос, поскольку поэма осталась неоконченной, но, на наш взгляд, образ Вольской, героини в первоначальных набросках "Египетских ночей" несколько проливает свет на его разрешение.

Вольская, "вдова по разводу" (33), единственное лицо из светских дам, которая не совсем заражена пошлой, мелочной атмосферой высшего света. Правда, она прерывает Алексея Иваныча, "опустив чопорно огненные свои глаза" (34), : "Ах, нет не рассказывайте", когда последний собирается рассказывать о Клеопатре, но в конце отрывка ее образ принимает совсем другой нравственный облик. Она вообще весьма молчалива, и только отрывисто отвечает на вопросы Алексея Иваныча насчет условия Клеопатры, но не трудно угадать, что в ее молчании скрыта сильная, страстная натура. Оказывается, что она "имеет довольно гордости, довольно силы душевной, чтоб предписать любовнику условия Клеопатры" (35).

У этой Вольской есть своя тезка в другом сочинении Пушкина, --- Зинаида Вольская, героиня отрывков романа, относящихся к 1828 - 1829 г.г., и обозначаемых "Гости с'езжались на дачу" (36). Кажется, новейшие исследователи считают, что прототипом Зинаиды Вольской является графиня Аграфена Федоровна Закревская, к которой Пушкин был не совсем равнодушен как раз в те годы (37). Если так, то мы в праве предполагать, что Закревская является прототипом и первой Вольской, потому что у обеих Вольских общность не только фамилии : они принадлежат очевидно к одному и тому же типу женщины. Итак, мы можем дополнить немного неопределенно очерченный образ первой Вольской более ярким образом второй.

Самой отличительной чертой ее характера является совершенное пренебрежение к светским приличиям. Например, она, на вечере, беседует на балконе с Минским около трех часов сряду наедине (38). Вообще, Зинаида, эта страстная, гордая, эксцентричная молодая женщина с душой "четырнадцати лет", не имеет,

по мнению светских дам, "никакого чувства приличия, свойстве -
нного ее полу"(39). Все порицают ее в дурном поведении, а она
решается, "в слезах негодования, ... возмутиться против влас-
ти несправедливого света"(40). "В ней много хорошего", как
замечает одно из действующих лиц романа, "и гораздо менее ду-
рного, нежели думают", только она не умеет владеть своими
бурными страстями, и нам не трудно с этим лицом предугадать,
что "страсти ее погубят"(41). На то же намекают и слова авто-
ра, что Минский отказался бы от своей связи с ней, "если б
он мог вообразить бури, его ожидающие"(42).

Как известно, увлечение Пушкина графиней Закревской отра-
зилось еще в стихотворениях "Портрет", "Наперсник", и "Счаст-
лив, кто избран своенравно"(43). Образ Закревской в "Портре-
те" поражает нас своим сходством с образом Зинаиды :

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

Мало того, если мы можем верить предположению В.В.Вереса-
ева, то прообразом Нины Воронской в 16-й строфе VIII-й главы
"Евгения Онегина" --- той "блестящей", "ослепительной", "мра-
морной красы" Нины, рядом с которой мы находим Татьяну сидя-
щей у стола, --- также является не кто иной, как графиня За-
кревская(44). И нам кажется весьма характерным, что Нина окре-
щена Пушкиным "сей Клеопатрою Невы"(45).

Мы останавливались на женских образах Пушкина, являющихся
воплощениями Закревской, равно как и на образе ее самой,
потому что мы думаем, что, для уяснения подхода Пушкина к об-
разу Клеопатры, весьма целесообразно поставить его в паралле-
ль с образами Вольских или самой Закревской. "Это была не
простая распутница", характеризует Закревскую Н.Лернер, "а
жрица любви, вакханка, менада, неслыханно служившая матери
наслаждений, сложная натура, в которой жила томительная меч-
та, ей была знакома тоска душевной пустоты..."(46). Эта характе-
ристика, применимая, конечно, и к Зинаиде Вольской, --- не
подходит ли она и к Клеопатре "Египетских ночей", которая,
между прочим, "томясь тоскою (курсив наш) бродила в своих са-
дах"(47), хотя она была в состоянии испытывать всевозможные
удовольствия? И если под одобрением, или скорее прославлени-
ем Закревской" с своей пылающей душой, с своими бурными стра-
стями" скрывается тайное презрение поэта к самодовольному
высшему свету, то не хотел ли Пушкин прославить в "Египетс-
ких ночах" Клеопатру за счет светских людей со всей их пош-

шлостью и лицемерием? Во всяком случае, нам кажется весьма правдоподобным, что образы Закревской и Клеопатры слились в одно целое, когда Пушкин задумал в 1835 г. вставить легенду о Клеопатре в повесть, сюжет которой, как в случае отрывков "Гости с'езжались", он взял из великосветской жизни, что и Закревская и Клеопатра сильно привлекали Пушкина именно как типы, одаренные смелостью ненавидеть пошлость и малодушие людей.

Мы знаем, что есть разные толкования относительно "торга" Клеопатры. Одна дама в "Египетских ночах" видела в нем просто бесстыдство(48), а другая "зверство", которое "должно уничтожить самую безумную страсть"(49). Белинский видел в нем признак морального разложения "древнего римского мира, одряхлевшего, утратившего все верования, все надежды, холодного к жизни и все еще жаждущего наслаждений, за которые охотно платит жизнью, как будто жизнь дешевле денег..."(50) В. Брюсов хотел видеть в нем "служение" божествам, т.-е. "мощной Киприде" и "богам грозного Аида", ссылаясь даже на храмовых проституток, которые будто бы исполняли служение богу, продавая себя за деньги(51). Пушкин, по всей вероятности, ничего подобного не видел в "условии" Клеопатры: он видел в нем, по словам Алексея Иваныча, "одну только пылкость воображения"(52). В Клеопатре он просто любовался бурными страстями, душевной силой. Сопоставленные с той мелочностью и пошлостью, тем мецанством и малодушием, характеризующими современную петербургскую светскую "чернь", в кругу которой Пушкину суждено было постоянно страдать в последние годы своей жизни, --- страсти и душевная сила египетской царицы получили в его глазах какое-то нравственное величие. Нам думается, что именно это нравственное величие хотел он показать в образе Клеопатры, равно как и в том блестящем портрете, посвященном другой очаровательной грешнице, "сей Клеопатре Невы" --- Аграфене Закревской.

"Египетские ночи" занимают особое место среди всех произведений Пушкина, навеянных ему античной литературой. Здесь, как уже сказано, самым ярким образом сопоставлены два мира, два мирозерцания --- античное и современное, конечно, с предпочтением к первому. Поэма о Клеопатре, отличающаяся как сжатостью, силой и чистотой языка, так и классической яркостью образов, напоминает лучшие образцы античной скульптуры. Мало того, она получила как бы символическое значение тем, что она была вставлена в рамки повести из современной жизни.

Поэт вовсе не удовольствовался одним только эстетическим созерцанием античного мира: путем сопоставления двух мирозерцаний, он хотел поставить один из самых актуальных для него вопросов --- борьбу с пошлостью современного ему общества. Может быть, огромная трудность такого подхода к сюжету была причиной тому, что ему пришлось оставить свое произведение неоконченным, но за то сама актуальность вопроса при-

дала "Египетским ночам" такую силу и динамику, какая редко встречается в произведениях других писателей, только эстетически трактованных подобных сюжет.

4.

Как известно, Пушкин совсем не знал древне-греческого языка(1), а потому не мог читать ни одного греческого автора в подлиннике. Тем не менее, он очень интересовался некоторыми греческими поэтами, и иногда через переводы умел схватить "дух" античности в совершенстве.

Поэмы Гомера --- "Илиаду" и "Одиссею" --- он читал во французском переводе еще в детстве(2), а в лицейские годы, как сказано выше, Гомер стоял у него на полке рядом с Виргилием и Тассом(3). В 1815 г. он пишет в отрывке поэмы "Бова": "часто, часто я беседовал с болтуном страны Эллинския и не смел... воспевать героев севера"(4). Эти стихи, написанные, очевидно, под влиянием Вольтера, показывают, что Пушкин-лицеист, будучи прежде всего певцом фривольной любви и наслаждений жизни, еще не созрел до того, чтобы ценить величественный мир Гомеровых поэм. Однако, уже в годы его пребывания на юге, он бросил это шутовское, легкомысленное отношение к Гомеру и стал питать большое уважение к нему, хотя последний и не был ему душевно так близок, как например Овидий или Гораций. Нет никакого сомнения, что он думал о Гомере (и Пиндаре), когда в письме к брату от 4 сентября 1822 г. он писал о "Греции, великолепной, классической, поэтической Греции, ... где все дышет мифологией и героизмом"(5). За работой Н.И.Гнедича над "Илиадой", приближавшейся к окончанию, Пушкин следил внимательно и на юге и в Михайловском. В письме к Гнедичу от 23 февраля 1825 г. он пишет: "Брат говорил мне о скором совершении Вашего Гомера. Это будет первый классический, Европейский подвиг в нашем Отечестве"(6). А когда наконец вышел в свет этот давно ожидаемый перевод "Илиады", плод почти тридцатилетних трудов Гнедича, Пушкин не медля поместил в "Литературной газете"(1830 г.) заметку, которая привела переводчика в такой восторг, что он предпочел бы ее "царским перстням"(7): "... когда талант нуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности; когда поэзия не есть благоговейное занятие: с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительно труду... Русская Илиада перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность"(8).

Затем, 8 ноября 1830 г., в двустихии "На перевод Илиады",

он высказал свое впечатление, которое произвела на него "Илиада" Гнедича:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой(9).

Впрочем, любопытно знать, что Пушкин, в октябре того же года, незадолго до того, как он написал это стихотворение, написал было другое, совсем иного рода двустихие:

Крив был Гнедич поэт, предагатель слепова Гомера;
Боком одним с образцом схож и его перевод(10).

Такой отрицательный отзыв Пушкина о переводе Гнедича показывает нам, что он, несмотря на свое незнание греческого языка, догадался свойственным ему тонким чутьем о большом недостатке перевода Гнедича, именно, о той напыщенности языка, немало портившей прелесть оригинала, и задевшей, должно быть, его чувство глубокого уважения к Гомеру. Однако, он сразу зачеркнул это ироническое двустихие и заменил его другим, более лестным для переводчика, опасаясь, очевидно, что оно может обидеть его приятеля.

Как бы то ни было, мы можем из вышеприведенных примеров легко видеть, что у Пушкина было глубокое чувство уважения, даже благоговения к Гомеру. Такие выражения, как "великолепная, классическая Греция", "величавая древность", "божественная эллинская речь", ярко свидетельствуют об этом чувстве. Мало того, он был вполне уверен в большом значении, которое должны иметь Гомеровы поэмы в развитии русской литературы. Но, тем не менее, Пушкин ни разу не пробовал "воспевать героев севера" в духе Гомера. Правда, он когда-то предложил Гнедичу, "возмущавшему во храме Гомеровом", написать эпические поэмы о "Владимире, Мстиславе, Донском, Ермаке, Пожарском" по той причине, что "история народа принадлежит поэту"(11), однако, он сам никогда не принимался за такого рода предприятие. Несмотря на его глубокое уважение к "великому" Гомеру, Пушкин, должно быть, со свойственным ему верным поэтическим инстинктом чувствовал, что он не создан создавать героические поэмы в духе и стиле Гомера, что у него нет того чувства первобытного, наивного, искреннего благоговения перед древними героями, характеризующего античные поэмы, и что если б он стал вслед за Гомером (и Виргилием) воспевать "при звуках лир войны кровавый мир"(12), то вышло бы что-то дживое, неестественное, неискреннее. Верный своей музе, он всю свою жизнь придерживался принципа, который он поставил себе еще молодым лицеистом: "будь всякий при своем"(13).

В стихотворении "Батюшкову", кончающемся этой мудрой максимой, Пушкин заявляет, что он не хочет "проститься с Анакреоном". Имя Анакреона, или правильнее Анакреонта, было для

Пушкина-лицеиста как бы символом того царства фривольной любви, поэзии и наслаждений жизни, --- царства Эроса, муз и Вакха, которое он решительно предпочел "войны кровавому миру". В отличие от Гомера, Теосский поэт мог стать предметом нежной, дружеской любви со стороны молодого Пушкина.

Заметим в этой связи, что из произведений самого Анакреонта сохранились лишь незначительные отрывки или даже отдельные слова, что большинство т. наз. "Анакреонтических стихотворений", дошедших в одном сборнике, относится к александрийской, римской или даже ранней византийской эпохам. Но сборник признан не принадлежащим Анакреонту, как известно, только во второй половине 19 века, так что "анакреонтические" поэты Европы 18 века, которые восхищались этим сборником, ничего не знали о его неподлинности.

Пушкин в детстве и в лицейские годы страстно любил французских анакреонтиков 18 века (Парни, Вержье, Грекур, Грессе и Шолье), равно как и Батюкова, русского поэта того же направления, и влияние этих поэтов играло значительную роль в образовании основных настроений его первых поэтических опытов (14). Поэтому немудрено, если Пушкин весьма охотно взял в руки сборник "анакреонтических" стихотворений, оказавший столь сильное влияние на его любимых поэтов-анакреонтиков.

В стихотворении "Мое заведение" (1815 г.) Пушкин пишет про Анакреонта, что он был его учителем (15). О таком пристрастии к Теосскому поэту свидетельствуют также его два "лицейских" стихотворения, написанных в духе Анакреонта, --- "Гроб Анакреона" (1815 г.) (16) и "Фиал Анакреона" (1816 г.) (17). Первое из них нам особенно интересно, ибо оно позволяет нам определить с несомненностью, что Пушкин-лицеист был уже знаком с анакреонтическим сборником, хотя трудно сказать, в каком именно переводе (в переводе Н.А.Львова, вышедшем в свет в 1794 г. ?). Как указывает А.Малеин (18), несколько мотивов в этом стихотворении так похожи до деталей на мотивы анакреонтического сборника, что мы в праве полагать, что они взяты непосредственно из сборника, а не являются подражанием Парни; ср. например мотив Анакреонта и зеркала, или мотив пляски его в хоре юношей (19).

Впрочем, мы должны признать, что эти два "анакреонтических" стихотворения лицейского периода не имеют особого художественного достоинства. Но, впоследствии, Пушкин написал еще четыре "анакреонтических" стихотворения, отличающихся высокой художественностью: одну пьесу в 1828 г. ("Кобылица молодая") (20), и три пьесы в 1835 г.: "Узнают коней ретивых" (21), "Поредели, побелели" (22), "Что же сухо в чаше дно?" (23). Эти стихотворения являются скорее переложениями, чем переводами, од 60-ой, 55-ой, 56-ой и 57-ой из анакреонтического сборника, а во всех их можно видеть как удивительную способность зрелого Пушкина схватывать истинный "дух" анти-

чной поэзии, так и его превосходную стихотворную технику. По живости и силе выражения они отчасти превосходят подлинники. Например, в 60-ой оде Анакреонта, древний поэт спрашивает дикую кобылицу: "Что так косо ты глядишь?" (24); у Пушкина мы читаем: "не косись пугливым оком, ног на воздух не мечи" (25). Не ярче и живее ли у Пушкина, чем у Анакреонта, представляется нам образ дикого, пугливого коня, чувствующего приближение конца его воле? Или же возьмем стихотворение "Поредели, побелели"; у Анакреонта: "... зубы держатся едва... страшен путь подземный в ад" (26); у Пушкина: "зубы в деснах ослабели, и потух огонь очей, ... страшен хлад подземна свода (курсивы наши) (27). Думается, сам Анакреонт дорого бы дал за такие слова, как "зубы в деснах", "огонь очей" или "хлад", ибо они заставляют нас гораздо реальнее переживать страх старика-эллина перед смертью.

В связи с стихотворениями "Поредели, побелели" и "Узнают коней ретивых", прибавим еще, что Пушкин вставил их в вышеупомянутые наброски повести, написанные им также в 1835 г. и условно называемые "Цезарь путешествовал", и вложил в уста Петрония отзыв о них: "Когда читаю подобные стихотворения, ... мне всегда любопытно знать, как умерли те, которые так сильно были поражены мыслью о смерти. --- Анакреон уверяет, что Тартар его ужасает (28), но не верю ему..." (29). Не заставило ли Пушкина неопределенное предчувствие близкой смерти написать эти строки?

Кроме сборника анакреонтических стихотворений, Пушкин интересовался в 30-е годы еще другим древнегреческим сборником, а именно "Пиром софистов" ("Deipnosophistai") Афенея, вернее Афинея (Athenaios), жившего в 3 веке н. э. Будучи "своего рода энциклопедией древнегреческой жизни в 15-и книгах" (30), сборник этот включает в себе массу цитат из греческих литературных произведений, большинство которых до нас не дошло. Пушкин знал его во французском (прозаическом) переводе Лефевра (Lefebvre), вышедшем в свет в конце 18 века (31), и в 1833 г. перевел из него всего четыре стихотворения:

1) Стихотворение "Чистый лоснится пол" Ксенофана Колофонского (6 в. до н. э.) (32); 2) эпитафию, приписываемую Афинею эпиграмматику Гедилу (Hedylos), жившему в 3 в. до н. э.: "Славная флейта, Феон, здесь лежит" (33); 3) отрывок дифирамба Иона Хиосского (5 в. до н. э.) (34); 4) стихотворение "Бог веселый винограда" Эвбула, комика 4 в. до н. э. (35).

Про эти четыре стихотворения можно сказать то же самое, что и про его гениальные переложения Анакреонта. Они проникнуты таким же истинным античным "духом" и поражают нас такой же пластичностью образов, такой же грацией формы. Это тем более удивительно, что Пушкин не знал по гречески, что он имел перед собой один только довольно заурядный, непоэтический, лишенный вдохновения прозаический перевод Лефевра. Для того, чтобы знать, насколько Пушкин умел превратить Лефевров

текст в "чистую поэзию, безукоризненное искусство, полное художество" (36), можно взять, ради примера, хотя бы стихотворение "Чистый лоснится пол".

Сличая Лефевров перевод с этой прелестной пьесой Пушкина, мы сейчас же замечаем, что у Пушкина нет и следа той растянутости и прозаичности, которой отличается стиль француза-переводчика. Каждое выражение в Пушкинской пьесе сжато до лаконичности, и проникнуто блеском истинной поэзии. Любопытно знать, что проза Лефевра имеет все черты дурной поэзии, между тем как пьеса Пушкина читается как хорошая проза. Возьмем например начало обоих переводов; у Лефевра: *Déjà le sol de la salle est propre, chacun a les mains bien nettes, les goblets sont rincés: tous les convives ont leur couronnes sur la tête. L'un présente dans une coupe un parfum d'une odeur exquise: le cratère est là rempli de la source de la joie. Un autre tient le vin tout prêt, et dit qu'il ne le quittera pas sans y faire raison; c'est un vin délicat qui parfume par son bouquet tous les pots*" (37); у Пушкина: "Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают; все уж увенча ны гости; иной обоняет, зажмурясь, ладана сладостный дым; другой открывает амфору, запах веселый вина разливая далече..."

Далее, слова хозяина, советующего гостям олюсти правду и воздержание, у Лефевра отличаются явным дидактическим тоном, и этим самым решительно портят наше впечатление; они, думается, испортили бы на всяком пиру настроение гостей, с нетерпением ожидающих начало пира: "...mais il faut que des gens commentent par célébrer les louanges de la divinité, et ne fassent entendre alors que de paroles saintes et de bon augure. Ils doivent demander, en faisant des libations, de pouvoir toujours se maintenir dans les termes de la justice; d'ailleurs cela est plus facile que d'être injuste... louons l'homme qui en buvant communique des choses dignes d'être retenues, et lui qui fait sentir le prix de la vertu... usons toujours de cette prévoyance, dont les suites sont si heureuses" (38). Этот холодный отталкивающий дидактизм значительно смягчен у Пушкина, чем образ хозяина и получает более гуманную, благородную черту: "Но в начале трапезы, о други, должно творить возлиянья, вещать благовещие речи. Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою правду бжюсти: ведь оно ж и легче... слава гостю, который за чашей беседует мудро и тихо."

Как мы видим, мысль, выраженная в словах хозяина, в сущности тождественна у обоих переводчиков, но Пушкин, путем перестановок, сокращений и исключений нескольких банальных фраз и выражений, как бы волшебным жезлом, превратил плохую прозу француза-переводчика в чистейшую поэзию. Глубокий инстинкт мастера-художника никогда не изменяет ему; и он сказывается всюду, каких бы мелочей он ни коснулся: *ex ungue leonem*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

(1) Пушкин, Полное собрание сочинений в шести томах. Издание второе, под общ. ред. Д.Бедного, А.В.Луначарского, П.Н.Сакулина, В.И.Соловьева, М.А.Цявловского и П.Е.Щеголева. ГИХЛ, 1934, т. 1, стр.104. (Тексты из Пушкина цитируются по этому изданию. Для краткости обозначаем: Пушкин.)

(2) В.Брюсов. См. Пушкин, под ред. С.А.Венгерова, т. 1, стр.332.

(3) Пушкин, т.1, стр.232.

(4) См. "К Батюшкову" (Пушкин, т. 1, стр.102).

(5) См. Пушкин, под ред. С.А.Венгерова, т. 1, стр.396.

(6) Пушкин, т. 1, стр.264.

(7) Ср. выражение "младой Назон" в стихотворении "К Батюшкову".

(8) Пушкин, т. 1, стр.115.

(9) См. Пушкин в воспоминаниях современников, ГИХЛ, 1950, стр.260.

(10) См. "Ф.Глинке" (Пушкин, т. 1, стр.346)

(11) См. "К Овидию" (Там же, стр.326).

(12) Пушкин в Александровскую эпоху, СПб, 1874, стр.166. Ср. еще слова Липранди: "... не говоря уже о том, что он любил сравнивать себя с Овидием (курсив наш), но он любил, когда кто хвалил его сочинения и прочитывал ему из них стих или два". (Пушкин в воспоминаниях современников, стр.280.)

(13) Сочинения Пушкина. Издание Имп. Акад. Наук. Переписка, под ред. и с примечаниями В.И.Саитова (в дальнейшем обозначаем: Переписка), т. 1, стр.40. Овидиевы стихи взяты из "Скорбей" (Кн.1, 1, 1--3).

(14) Пушкин, т. 4, стр.231. Овидиев стих взят из "Скорбей" (Кн. 2, 208).

(15) "К Гнедичу", Пушкин, т. 1, стр.308 (см. еще:Переписка, т. 1, стр.29); "Чаадаеву", там же, стр.311; вариант "Желания", там же, стр.550; "К Овидию", там же, стр.324; "Баратынскому из Бессарабии", там же, стр.342; "К Языкову", там же, стр.361.

(16) Этот стих основывается на мнении Вольтера, будто бы причина ссылки Овидия была тайная благосклонность Юлии, дочери Августа, к поэту. Впоследствии, Пушкин считал это мнение "несправедливым". См. вышеупомянутое примечание Пушкина к 8-й строфе первой главы "Евгения Онегина".

(17) См. письмо к Н.И.Гнедичу от 27-го июня 1822 г. (Переписка, т. 1. стр.46.)

(18) Ср. слова Пушкина в письме к П.А.Вяземскому в первой половине марта 1820 г. (Переписка, т. 1, стр.15): "Петербург душен для поэта; я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу." О таком же настроении поэта свидетельствуют также стихотворения "Уединение" (Пушкин, т. 1, стр.289) и

"Погасло дневное светило"(там же, стр.299). В стихотворении "К Овидию" Пушкин называет себя "изгнанником самовольным"(там же, стр.326).

(19) "К Овидию" (Пушкин, т. 1, стр.326).

(20) Там же.

(21) Там же.

(22) Там же.

(23) Пушкин, под ред. С.А.Венгерова, т. 1, стр.578--579.

Лернер основывает свою догадку на словах Липранди (см. Пушкин в воспоминаниях современников, стр.263): "(по дороге из Аккермана дальше) Пушкин что-то писал по обычаю, на маленьких лоскутках бумаги и как ни попало складывал их по карманам, вынимал опять, просматривал и т. д... Помню очень хорошо, что он жалел, что не захватил с собой какого-то тома Овидия..."

(24) Переписка, т. 1, стр.45.

(25) Там же, стр.58. Стих "О други..." взят, конечно, из самого послания к Овидию. Шутка над самим собой, немислимая у Овидия, опятьпоказывает разницу в настроении обоих поэтов на ссылке.

(26) Переписка, т. 1, стр.65.

(27) Там же, стр.79.

(28) А.С.Пушкин: материалы для его биографии. СПб, 1855, 2-е издание, 1873, стр.83.

(29) Пушкин, т. 4, стр.14.

(30) Ср. стих "Еще твоей молвой наполнен сей предел"("К Овидию").

(31) Пушкин, т. 3, стр.172.

(32) В.Г.Белинский, Собрание сочинений в трех томах под общ. ред. Ф.М.Головенченко. ГИХЛ, 1948, т. 3, стр.466.

(33) Пушкин, т. 5, стр.86--87.

(34) Черновик. См. Пушкин, под ред. С.А.Венгерова, т. 3, стр.92.

(35) Пушкин, т. 5, стр.226.

(36) См. "Метаморфозы", 4, 280.

(37) См. его статью "К стихотворению "Таится пещера", Пушкинский сборник, памяти проф. С.А.Венгерова, Госиздат, 1923, стр.287 и сл.

(38) "Леда", Пушкин, т. 1, стр.132; "Батюшкову", там же, стр.154; "Послание к Галичу", там же, стр.164; программа "Актеон", там же, т. 3, стр.309; "В лесах Гаргафии счастливой", там же, т. 1, стр.472; "Евгений Онегин", там же, т. 4, стр. 212; (строфы 1--4 главы четвертой не включались Пушкиным ни в одно издание "Онегина"); "Арион", там же, т. 2, стр.23; "Рифма", там же, стр.91.

(39) Пушкин, т. 2, стр.202.

(40) См: К стихотворению "Таится пещера", стр.289 и сл.

(41) Пушкин, т. 5, стр.174.

(42) Там же, стр.174--175.

(43) См. письмо к А.А.Бестужеву конца мая -- начала июня 1825 г. (Переписка, т. 1, стр.225).

(44) См. "К Языкову" (Пушкин, т. 1, стр.361).

2.

(1) Как известно, в Лицее преподавали латынь, а по отзыву Н.Ф.Кошанского от 15 марта 1812 г. успехи Пушкина в латинском были "хороши". Кошанский повторяет почти такой же отзыв еще два раза: 20 ноября того же года и 15 декабря следующего года. См. Н.Ликсанов, "Н.Ф.Кошанский", Пушкин, под ред. С.А.Венгерова, т. 1, стр.255. Что Пушкин и впоследствии время от времени брал в руки латинские книги, вполне ясно из вышеизложенного. Впрочем, Пушкин пишет в 1830 г. по поводу "Евгения Онегина": "Шестой песни Онегина не разбирали, даже не заметили в Вестнике Европы латинской опечатки. Кстати: с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. -- Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другой, а никто нынче по латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский язык был необходим и справедливо (курсив наш) почитался первым признаком образованного человека" (Пушкин, т. 4, стр.313). Нельзя ли заключить из этой заметки, что Пушкин считал желательным, чтобы образованный человек обладал некоторым знанием латинского языка? А в его замечании, что он сам "совершенно забыл латинский язык", есть, как справедливо указывает Якубович, явное преувеличение. См: Д.Якубович, К стихотворению "Таится пещера", Пушкинский сборник, памяти С.А.Венгерова, стр.286.

(2) Пушкин, т. 1, стр.125.

(3) Там же, стр.117--118.

(4) Там же, стр.138.

(5) Там же, стр.154.

(6) См. письмо к А.А.Бестужеву, конец мая--начало июня 1825 г. (Переписка, т. 1, стр.225).

(7) Пушкин, т. 1, стр.359.

(8) Пушкин, под ред. С.А.Венгерова, т. 6, стр.471 и сл.

(9) Пушкин, т. 2, стр.184. В издании под ред. С.А.Венгерова (т. 4, стр.22), это стихотворение озаглавлено: (Из Горация). Оно было написано, по всей вероятности, в 1835 г.

(10) Певод Пушкина.

(11) Пушкин, т. 4, стр.718. Эти наброски были написаны в 1835 г.

(12) Пушкин, т. 4, стр.721.

(13) Перевод Пушкина написан в четырехстопных ямбах, а Го-

рациев оригинал в т. наз. "алкеевой строфе".

(14) В.Г.Белинский, Собрание сочинений в трех томах, под ред. Ф.М.Головенченко, т. 3, стр.355 и сл.

(15) См: Пушкин, т. 2, стр.248. О Горациевых одах вообще, Пушкин пишет в 1836 г.: "Есть люди, которые находят и Горация прозаическим... Пусть так. Но жаль было бы, если б не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин". См. "Путешествие В.Л.Пушкина"(Пушкин, т. 6, стр.167).

(16) Там же, т. 4, стр.35.

(17) Впрочем, Л.Гроссман полагает, что непосредственным источником каламбурного онегинского эпиграфа -- "O rus! (Hor.) -- O Русь " -- является анекдот из знаменитого сборника острог "Bievriana ": "Когда в 7 году ожидали прибытия русских в Париж, один из сторонников выразил свое пожелание стихом Горация: "O rus! (o Russes), quando ego te aspiciam! " См. Л. Гроссман, Собр. соч. М., 1928, т. 1, стр.58 и сл.

(18) Пушкин, т. 2, стр.190.

(19) Там же, т. 1, стр.154.

(20) Там же, стр. 240.

(21) Там же, стр.386.

(22) Там же, стр.428.

(23) Пушкин, под ред. С.А.Венгеров, т. 6, стр.471.

(24) "Путешествие В.Л.Пушкина"(Пушкин, т. 6, стр.167).

(25) Пушкин, т. 2, стр.110.

(26) См. В.Г.Белинский, Собр. соч. в трех томах под ред. Головенченко, т. 3, стр.391.

(27) Впрочем, Пушкин не перевел четвертого стиха Катуллова стихотворения: *Ebrioso acino ebriosioris*.

(28) Пушкин, т. 1, стр.148. К этому стиху есть вариант: "Свой дух воспламенно жестоким (вместо: "Петроном") Ювеналом". См. Пушкин, под ред. С.А.Венгеров, т. 1, стр.213.

(29) Пушкин, т. 4, стр.13.

(30) Там же, т. 2, стр.253.

(31) Вообще, римскими прозаиками он, кажется, мало интересовался. Цицерона, например, заставили его читать в Лицее, но в выпущенной строфе 8 главы "Евгения Онегина", он пишет: "В те дни, когда в садах Лицея я безмятежно расцветал, читал охотно Елисея, а Цицерона проклинал..." См. Пушкин, т. 4, стр.225 и сл.

(32) См. Фирсов, Пушкин как историк (Пушкин, под ред. С.А. Венгеров, т. 6, стр.245).

(33) См. Сочинения Пушкина, издание Академии наук СССР, Ленинград, 1929, т. 9, ч. 2(Примечания), стр.55.

(34) Там же, стр.56.

(35) Пушкин, т. 6, стр.186.

(36) Указание М.Покровского. См. его статью "Шекспиризм Пушкина", Пушкин, под ред. С.А.Венгеров, т. 4, стр.5.

(37) Пушкин, т. 6, стр.184.

(38) См. Покровский, Пушкин, под ред. С.А.Венгеров, т. 4,

стр.5.

北大文学部
紀要

(39) Пушкин, т. 6, стр.185.

(40) Там же, стр.187.

(41) Переписка, т. 1, стр.241 и сл.

(42) См. М. Karpovich, Pushkin as an Historian, Centennial Essays for Pushkin, Cambridge, Mass., 1937, p.198.

(43) Французский перевод этой книги напечатан в библиотеке Пушкина. См. Полн. собр. соч. Пушкина, под ред. Д.Бедного и др., ГИХЛ, 1931, т. 6, стр.367.

(44) Пушкин, т. 4, стр.718--721.

(45) См. наброски плана повести "Цезарь путешествовал", Пушкин, т. 4, стр.721.

(46) Как видно из набросков плана (см. там же), и поэма о Клеопатре, вошедшая в конце концов в "Египетские ночи", должна была вставиться в эту повесть.

3.

(1) Новейшие исследователи не признают книгу "De uiris illustribus" произведением Аврелия Виктора. См. например Oxford Classical Dictionary, Oxford, 1950, s. v. Aurelius Victor.

(2) Ср. слова Алексея Ивановича в варианте "Египетских ночей", Пушкин, т. 4, стр.713.

(3) Там же.

(4) Там же.

(5) Мы думаем, что на впечатление, которое произвела эта легенда на Пушкина, намекают также слова Алексея Ивановича в варианте "Египетских ночей": "Есть черта в ее жизни, которая так врезалась в мое воображение, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтоб тотчас подумать о Клеопатре." Пушкин, т. 4, стр.712.

(6) Материалы для нашего изложения истории работы Пушкина над "Египетскими ночами" взяты из статьи С.Бонди, Полн. собр. соч. Пушкина, под ред. Д.Бедного и др., ГИХЛ, 1931, т. 6, стр.136 и сл.

(7) Пушкин, т. 4, стр.522 -- 536.

(8) В.Брюсов, Мой Пушкин, Госиздат, 1929, стр.108.

(9) Там же, стр.110.

(10) Пушкин, т. 4, стр.523.

(11) Там же, стр.690 и сл. (Вариант).

(12) Там же, стр.523.

(13) Там же, стр.524.

(14) Ср. там же, стр.526.

(15) Там же, стр.524.

(16) Там же, стр.526.

(17) Там же, стр.530.

(18) Там же.

- (19) Там же, стр.693(Вариант).
- (20) Там же, стр.527.
- (21) Там же, стр.532 и сл.
- (22) Там же, стр.713.
- (23) Там же, стр.715.
- (24) Там же, стр.717.
- (25) Брюсов, Мой Пушкин, стр.109.
- (26) Пушкин, т. 4, стр.715(первоначальные наброски).
- (27) Там же, стр.714.
- (28) Там же, стр.534.
- (29) Там же, стр.535.
- (30) Там же.
- (31) Там же.
- (32) Там же.
- (33) Там же, стр.712.
- (34) Там же.
- (35) Там же, стр.717.
- (36) Там же, стр.655.
- (37) См. статью Ю.Оксмана, Полн. собр. соч. Пушкина под ред. Д.Бедного и др., ГИХЛ, 1931, т. 6, стр.103.
- (38) Пушкин, т. 4, стр.659.
- (39) Там же, стр.658.
- (40) Там же, стр.658 и сл.
- (41) Там же, стр.657.
- (42) Там же, стр.660.
- (43) Пушкин, т. 2, стр.41, 42, 43. Все эти три стихотворения относятся к 1828 г.
- (44) Указание Н.Л.Бродского. См. Комментарий к роману А.С. Пушкина "Евгений Онегин", Москва, 1932, стр.167.
- (45) Пушкин, т. 4, стр.163 и сл. См. еще прекрасное описание появления Нины в одной из выпущенной строфе 8 главы, там же, стр.229 и сл. ("Неслышно в залу Нина входит").
- (46) См. Пушкин, под ред. С.А.Венгеров, т. 5, стр. III
- (47) См. первоначальные наброски "Египетских ночей", Пушкин, т. 4, стр.808.
- (48) См. Пушкин, т. 4, стр.715(первоначальные наброски).
- (49) Там же, стр.716.
- (50) В.Г.Белинский, Собр. соч. под ред.Головенченко, т. 3, стр.614.
- (51) См. В.Брюсов, Мой Пушкин, стр.114.
- (52) Пушкин, т.4, стр.716.

4.

(1) Пушкин сам признался раз в своем незнании этого языка. См. письмо к Гнедичу от 6 января 1830 года (Переписка, т. 2, стр.105).

- (2) См. E.G.Simmons, Pushkin, Harvard University Press, 1937, p.29.
- (3) См. "Городок" (1814 г.), Пушкин, т. 1, стр.118.
- (4) Там же, стр.138.
- (5) Переписка, т. 1, стр.51.
- (6) Там же, стр.182.
- (7) См. письмо к Пушкину от 6 января 1830 г. * Переписка, т. 2, стр.105.
- (8) Пушкин, т. 5, стр.37.
- (9) Там же, т. 2, стр.97.
- (10) Там же, стр.221.
- (11) См. выше цитированное письмо к Н.И.Гнедичу от 23 февраля 1825 г. (Переписка, т. 1, стр.182).
- (12) См. стихотворение "Батюшкову" (Пушкин, т. 1, стр.154).
- (13) См. там же.
- (14) См. Пушкин, под ред. С.А.Венгеров, т. 1, стр.32.
- (15) Пушкин, т. 1, стр.172.
- (16) Там же, стр.170.
- (17) Там же, стр.215.
- (18) См. Пушкин, под ред. С.А.Венгеров, т. 1, стр.272, 274.
- (19) См. Л.А.Мей, "Песни Анакреонта Теосского", песни 11, 42, 54. Полное собрание сочинений Л.А.Мея, СПб, 1911, т. 1, стр.278, 289, 294. В дальнейшем, стихи Анакреонта цитируются по переводу Мея, ибо он почти безукоризнен по филологической точности.
- (20) Пушкин, т. 2, стр.41.
- (21) Там же, стр.173.
- (22) Там же.
- (23) Там же, стр.174.
- (24) Перевод Л.А.Мея. См. Полн. собр. соч., т. 1, стр.295.
- (25) Пушкин, т. 2, стр.41.
- (26) Перевод Л.А.Мея. См. Полн. собр. соч., т. 1, стр.294.
- (27) Пушкин, т. 2, стр.173. Курсив наш.
- (28) Ср. стих "Тартар тени ждет моей" в стихотворении "Поредел, побелели".
- (29) Пушкин, т. 4, стр.720.
- (30) См. Г.Гельд, "Пушкин и Афиней", Пушкин и его современники, 31 -- 32, Ленинград, 1927, стр.15.
- (31) См. там же, стр.16.
- (32) Пушкин, т. 2, стр.168.
- (33) Там же, стр.169.
- (34) Там же.
- (35) Там же.
- (36) Слова В.Г.Белинского. См. Собр. соч. под ред. Ф.М.Головенченко, т. 3, стр.391.
- (37) Текст перевода Лефевра цитируется по Гельду: "Пушкин и Афиней", Пушкин и его современники, 31 -- 32, стр.17.
- (38) Гельд, там же, стр.17 -- 18.